

Александр Блок

О списке русских авторов

Александр Александрович Блок

О списке русских авторов

«Составляя список русской литературы XVIII и XIX века, можно идти по пути Марфы, которая печется о многом, и по пути Марии, избравшей благу часть.

Я избираю первый путь потому, что он, как кажется мне, продиктован исторической минутой. Все наше прошлое представляется на суд поколениям, следующим за нами людям, очень отличающимся от нас, потому что переворота большего, чем переживаем мы, русская история не знала по крайней мере двести лет (с Петра), а то и триста лет (Смутное время)...»

Содержание

Александр Александрович Блок О списке русских авторов	0004
#2	0012

Александр Александрович Блок

О списке русских авторов

Составляя список русской литературы XVIII и XIX века, можно идти по пути Марфы, которая печется о многом, и по пути Марии, избравшей благую часть.

Я избираю первый путь потому, что он, как кажется мне, продиктован исторической минутой. Все наше прошлое представляется на суд поколениям, следующим за нами людям, очень отличающимся от нас, потому что переворота большего, чем переживаем мы, русская история не знала по крайней мере двести лет (с Петра), а то и триста лет (Смутное время).

Может быть, огромная часть нашего духовного прошлого будет переоценена и сдана в исторический архив. Однако мы надеемся, что мы – люди не только сегодняшнего дня. Именно потому мы считаем, что не имеем права суетиться в дыму пожара, который нас окружает, среди черных груд шлака людско-

го, которым засыпана земля. К тому же, наследие, которое мы получили, есть, к счастью, наследие духовное, которое в огне не горит.

Именно сейчас – весь путь, пройденный нашими предками, вспоминается ярко; не отрицаем того, что это – воспоминание, может быть, предсмертное: пред смертью вдруг ярко вспыхивает воспоминание о прожитом, чтобы вслед за тем быстро погаснуть. Однако такая возможность ничуть не смущает нас: воспоминание здесь, с нами, оно неотступно; мы находимся в здравом уме и твердой памяти, и весь крестный путь русской духовной жизни проходит сквозь наше сердце, горит в нашей крови.

По слову Фета:

*Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.*

«Страданья» – ошибки, падения, взлеты, все, добытое человеческой кровью. Имеем ли мы право предавать забвению добытое кровью? Нет, не имеем. Надеемся ли мы, что добытое кровью сослужит еще службу людям будущего? Надеемся. И потому мы должны

представить с возможной полнотой двухвековую жизнь русского слова – начиная с бедного Посошкова, открывшего собою длинный ряд тех, кого волновал основной вопрос эры, социальный вопрос, кто неустанно твердил о народе, земле, образовании, и кончая – увы! – тоже еще бедным человеком, который плакал прекрасными слезами накануне жестокого, трагического, забывшего слезы XX века.

В основной библиотеке русской литературы только что окончившегося «императорского» периода должны быть представлены следующие отрасли: I. Повествование; II. Поэзия; III. Драма; IV. Философская мысль. О каждой из этих отраслей надлежит сказать несколько слов.

I. *Повествование.* Художественной прозе в отношении количественном следует отдать первое место – больше половины всей библиотеки; это естественно и знаменательно для России XVIII и XIX столетий. Лучшие произведения надо (давать) по возможности *целиком*, отступая от прежних обычаев хрестоматий, ввиду ныне всеми признанного требования цельности художественной *формы* и

значительного расширения этого понятия. Есть, однако, в России масса произведений бесформенных, по-деревенски, по-помещицки тягучих повестей и романов, которые утратили всякое значение в целом, но которые таят в себе жемчужины отдельных мыслей и изображений. Эти жемчужины надо сохранить. Поэтому я думаю, что путь, более трудовой, но более плодотворный, на который мы должны стать, таков:

1) Значительные произведения, хотя бы и большие по размеру, берутся целиком; 2) из остального берутся короткие отрывки мысли, афоризмы и т. д.; 3) способ печатанья главами, частями и т. п. совершенно устраняется.

II. Поэзия. Кроме поэтов, признаваемых всеми, есть много стихотворцев, каждый из которых создал несколько замечательных вещей и массу произведений, потерявших всякое значение. Чтобы не пропустить замечательных произведений, мы не должны бояться множества имен. Необходимые сведения о каждом таком лице можно, при уменье, дать в двух-трех фразах вступительной статьи, так что и это не обременит издания. Есть поэты,

создавшие одно незабываемое произведение (Ершов с «Коньком-Горбунком»); есть поэты как бы без лица, которым удалось на разных поприщах сохранить о себе совершенно разные, но яркие воспоминания; поэтому пусть не смущает нас, если мы дадим понемногу какого-нибудь Бенедиктова и в лирике 30-х годов и в гражданских мотивах 60-х; какого-нибудь Вейнберга – и в шуточной поэзии и в гражданской. – Есть поучительнейшие литературные недоразумения, вроде Надсона, нельзя не отдать ему хоть одной страницы. Есть, наконец, прескверные стихи, корнями вросшие в русское сердце; не вырвешь иначе, как с кровью, плещеевского «Вперед без страха и сомненья», лавровского «Отречемся от старого мира», цыганщины, на которой сходились какой-то Андреев, и Иван Тургенев, и пьяный Григорьев, и дворянский Апухтин, и «либерал» Полонский. Поэтому путь наш опять-таки должен быть таков: 1) дать в возможно неприкосновенном виде первых и великих и 2) дать много вторых и мелких – всех понемногу.

III. Драма. История русской драмы коротка

и причудлива. Восемнадцатый век дал большие возможности и для комедии и для трагедии (Фонвизин и Сумароков). Деятнадцатый создал сразу великую комедию («Горе от ума» – до сих пор неразгаданное и, может быть, величайшее творение всей нашей литературы); комедия продолжалась в Гоголе, Островском и Сухово-Кобылине, неожиданно и чудно соединившем в себе Островского с Лермонтовым. Трагедия, уйдя в сторону в Борисе Годунове, замерла на неподвижной точке в «Грозе» и Ал. Толстом; она еще не развернулась и вся находится в будущем. Этот путь, благо он так короток, надо представить отчетливо.

IV. Наконец, под философской мыслью разумею мы ту мысль, которая огнем струилась по всем отраслям литературы и творчески их питала. В России это было всегда – причудливое сплетение основного вопроса эры – социального вопроса с умозрением, с самыми острыми вопросами личности и самыми глубокими вопросами о Боге и о мире; Посошков и Чаадаев, Одоевский и Белинский, Герцен и Григорьев, Радищев и Леонтьев – вот вечные

образцы нашего неистового прошлого, вот полюсы нашей мысли, вот наши вечные братья-враги. В связи с началом гражданской жизни, в эпоху падения крепостного права, образования политических партий и т. д., часть этой мысли переходит временно в руки публицистов, ученых, а иногда и просто профессоров; — здесь потускнела и мысль, поистерся и язык; здесь нам нет нужды следовать за нею до тех пор, пока с новой силой синтетическая и огненная мысль не загорается к концу века — во Владимире Соловьеве. — Все указанные имена с прибавлением некоторых других должны быть необходимо представлены, потому что в них горит тот самый творческий пожар, который сжигал наших художников; лучше сказать — они были не меньше художниками, как и лучшие наши художники были мыслителями и философами. — Можем ли мы смущаться тем, что иные из указанных мыслителей были политическими реакционерами, что рядом с гуманитарным течением шло противоположное ему? Нет, потому что сама история рассеяла призраки, и потому, что в борьбе со старым вырождаю-

щимся гуманизмом была великая правда – правда борьбы за то, что, может быть, будет опять названо гуманизмом новым, – что создает новую личность. Путь наш в этом отделе, очевидно, таков: надо переоценить многое, прежде всего – «Переписку с друзьями» Гоголя, вырвав из нее временное и свято сохранив вечное; надо выбрать до гениальности мощную и острую мысль из той бесформенной словесной каши, в которой захлебывался пьяный и зарапортовавшийся Григорьев, благодаря чему все семь пядей, которые были в его лбу, заслонились одной пядью более талантливой, но бесконечно менее глубокого и образованного, чем он, Белинского. В этом отделе предстоит вообще труднейшая и совершенно новая работа.

